

*Наталья Сергеевна ВАСИХОВСКАЯ —
аспирант кафедры отечественной истории*

УДК 94/(47+57)

ОБЩЕЖИТЕЛЬСТВО В КИЕВО-ПЕЧЕРСКОМ МОНАСТЫРЕ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XI — НАЧАЛО XII ВЕКА)

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена изучению проблем становления общежития в Киево-Печерском монастыре во второй половине XI — начале XII века. Особое внимание уделяется рассмотрению особенностей Студийского монашеского устава, положениями которого главным образом руководствовался игумен Феодосий при организации повседневной жизни монашеской братии. Также исследуются причины угасания традиций общежития в Киево-Печерском монастыре после смерти игумена Феодосия.

The article is dedicated to the study of the problems of monks' community formation in Kiev-Pechersk monastery in the late XI — the beginning of XII centuries. Special attention is paid to peculiarities of the monks' Studion statute and regulations widely used by Father-Superior Theodosius in organisation of everyday life in the community. Furthermore, possible reasons of the community traditions weakening in Kiev-Pechersk monastery after Father-Superior Theodosius death are considered in the work.

Святого Феодосия Печерского можно по праву считать «первоначальником общежития на Руси». Именно с деятельностью этого игумена Киево-Печерского монастыря было связано появление на Руси Студийского общежительного монашеского устава.

Возглавив монастырь, Феодосий проявил себя как ревнитель внутреннего распорядка и устроитель монастырского быта. Это, в частности, проявилось в том, что преподобный ввел в монастыре «въздѣръжание велико, пощение и молитвы со слезами» [1]. Необходимость определения того, каким будет монастырь, какие правила будут регулировать его жизнь, делали насущным вопрос о выборе монастырского устава.

По мнению И. К. Смолича, «введение общежительного устава Студийского монастыря стало важным деянием Феодосия в первый период его игуменства» [2]. Скорее всего, ранее потребности в этом просто не возникало. По предположению Я. Н. Шапова, «вначале, при Антонии, в монастыре руководствовались, вероятно, общими принципами монашеской жизни, принесенными им с Афона, а в богослужении следовали Типикону «Великой церкви», то есть собора Святой Софии в Константинополе» [3].

В период становления монастыря его братия была малочисленной. В Киево-Печерском патерике можно найти указание на то, что во времена Антония монашеская община состояла из четырех человек. Когда Феодосий стал игуменом, в монастыре было уже 20 монахов. За короткое время их число возросло до 100 человек. Именно тогда Феодосий принялся разыскивать устав для упорядочения жизни увеличившейся братии. П. Казанский подчеркивал, если «доселе братия руководствовались в своей жизни примером преподобного Антония, и хранили порядок устава пустынного, им заведенного, то для многочисленной братии, стоящей на разных ступенях духовной жизни, нужен был устав общежительный» [4].

Согласно источникам, игумен Феодосий специально интересовался Студийским монастырским уставом. По мнению В. Н. Топорова, «выбор Студийского

устава был не случайным, а сознательным и глубоко обдуманым шагом. Он мог означать оттеснение антониевой особножительной традиции. Так как, в отличие от затворничества, общежительность, предписываемая Студийским уставом и притягательная для Феодосия, опиралась, с одной стороны, на организацию монашеской общины, предназначенной для служения религиозным целям и общественному благу; с другой стороны — на полное и добровольное повиновение игумену» [5].

Информация о введении Студийского устава в Киево-Печерском монастыре содержится в «Сказании, что ради прозвася Печерский монастырь» Киево-Печерского патерику и в Житии Феодосия Печерского. Согласно патерику, Устав был получен от монаха Михаила, пришедшего на Русь с митрополитом Георгием: «И нача Феодосий възыскати правила чернечьскаго, и обретесе тогда честный иннок Михайль монастыря Студийскаго, иже бе пришел из Грекъ съ митрополитомъ Георгиемъ. И нача его въпрошати о уставе отецъ студийскихъ, и обрете у него, исписа. И устави въ монастыри своемъ, како пети пеня монастырская и поклоны како держати, и чтения почитати, и стоаше въ церкви, и все упряжение церковное, и на трапезе седание, и что ядение в кыя дни» [6].

Скорее всего, устав был получен Феодосием около 1065 г. и содержал только сведения о порядке организации богослужений. Поэтому, согласно Житию Феодосия Печерского, некоторое время спустя преподобный игумен «посла единого отъ братия въ Костянтинъ градъ къ Ефрему скопыцю, да весь уставъ Студийскаго монастыря, исписавъ, приселеть ему. Онъ же весь уставъ монастырскый исписавъ и посъла къ блаженному отьцу нашему Феодосию» [7]. Феодосий принял этот устав, велел прочесть его перед братией «и оттоле начать въ своемъ монастыри вся строити по уставу монастыря Студийскаго, якоже и доньне есть, ученикомъ его сице съвршаемъ» [8].

Древнерусский перевод Студийского устава сохранился в списке XII в. Эта редакция устава была выполнена константинопольским патриархом Алексием. У нас есть основания считать, что именно этот список был получен Феодосием из Константинополя от инока Ефрема и введен в Киево-Печерском монастыре. Наше суждение основывается на следующих фактах. Устав Студийский по списку XII в. озаглавлен следующим образом: «Оуставъникъ расматрѣяй о брашьне же и о питии мнихомъ и о въсяцемъ иномъ чиноу и о пребываниихъ и въ церкви и въсьде оуставленъ. Къгда чистымъ подвижникомъ приимати пищу и съ кацемъ доброчиньствомъ и оутворениемъ и времена разделяти и наоучити въ коеждо сихъ подобное требование. И о прочемъ оустроении мнихомъ въ цркъвей же слоужбе и въсьде по чиноу... Къгда и како подобаетъ въходити въ трапезьницу и о всякомъ чиноу иже на обеде...» [9].

В Повести временных лет, когда летописец говорит о введении Студийского устава, можно увидеть похожее выражение, которое является парафразом приведенного выше фрагмента: «И устави въ монастыри своемъ, — пишет летописец, — како пети пеня монастырская, и поклонъ какъ держати, и чтенья почитати, и стоянье в церкви, и весь рядъ церковный и на трапезе седанье, и что ясти в кыя дни» [10]. Это совпадение, а также некоторые обстоятельства жизни печерских монахов, переданные в Житии Феодосия Печерского, доказывают, что именно Студийский устав в редакции патриарха Алексия был введен в Киево-Печерском монастыре.

На это разночтение, относительно принятия устава, также обратил внимание Г. Подскальски. Он писал, что «источники не согласуются в том, откуда исходила инициатива принятия устава: из Константинополя или из Киева» [11]. По мнению Ю. А. Артамонова, «Феодосий получил от инока Михаила только сведения о существовании и содержании Студийского устава и, признав оный

удобным для обители Печерской, дал поручение Ефрему» [12]. На наш взгляд, последнее суждение наиболее точно соответствует истине. Получив от Михаила только часть устава, Феодосий, не будучи уверенным в том, что это полная его запись, отправил в Константинополь к Ефрему одного из киево-печерских монахов для проверки и исправления.

Однако введение устава «приходящим къ доброму труду и благому послушанию» [13] еще не означало точного следования всем его правилам. Среди исследователей по этому поводу нет единого мнения. М. С. Грушевский полагал, что «Феодосий в точности следовал Студийскому уставу, предписывавшему строгое общежитие, отречение от собственности, полное равенство братии между собой, порядок, постоянную молитву и труд» [14]. Иную точку зрения высказывал Н. Тальберг. По его мнению, «преподобный Феодосий, приняв Студийский устав, не ограничивался пределами буквы его, но, имея в виду дух его, вводил некоторые свои правила» [15]. И. К. Смолич также считал, что «Феодосию важнее всего было соблюсти основу устава — принцип строгого общежития, поэтому вполне вероятно, что он вводил некоторые свои правила, отступая тем самым от уставных норм» [16].

Введение Феодосием строгого общежития должно было изменить характер хозяйства монастыря и самоощущения братии. Вместо отдельных иноков, объединившихся ради общей цели — спасения вне мира — и участвовавших в общих богослужениях, должна была возникнуть единая община с общим хозяйством, трапезой, строгой уравнительностью. Это равенство было очень привлекательно в теории, но осуществить его в монастырской жизни оказалось трудно. И. У. Будовниц склонен считать, что «переход на устав общежития, если и не затрагивал быта богатых монахов-вкладчиков, то все-таки изменял характер самого монастыря, но вовсе не устранял начисто старой практики и старого быта келлиотских, «особножительных» монастырей» [17].

На наш взгляд, некоторые элементы особножительства в монастыре присутствовали всегда. Наличие этих двух противоположных типов подвижничества является особенностью Киево-Печерского монастыря. По мнению Я. Н. Щапова, «здесь они сосуществовали параллельно, будучи представлены подвижниками, руководствовавшимися разными путями монашеского подвига, и сменяли друг друга в процессе развития монастыря» [18]. Возможно, что с переходом к общежительству они стали меньше проявляться, но совсем избавиться от них так и не удалось, несмотря на то, что игумен Феодосий прилагал для этого поистине титанические усилия.

Из Жития Феодосия Печерского и Киево-Печерского патерика видно, что игумен строго следил за сохранением и соблюдением введенного им устава. Предписывалось самое строгое послушание, ибо от него зависело нормальное течение монастырской жизни. Подобную особенность отмечал Н. И. Костомаров, который подчеркивал, что «главное для монахов — это беспредельное послушание воле игумена, послушание без всякого размышления. Оно ставилось выше всех подвигов и изнурения плоти, выше молитв. Всякое переиначивание приказаний игумена объявлялось грехом» [19]. На подобную особенность монашеской жизни обращал внимание и Г. Г. Прошин. В одной из своих работ он писал, что «пост, молитва, отказ от мирских соблазнов и послушание, послушание, — высшая, важнейшая обязанность и добродетель — выше поста и молитвы» [20].

Судя по данным источников, все в обители совершалось не иначе как с благословения игумена, и освящалось молитвой. Интересным для нас в этом отношении является Житие Феодосия Печерского. Оно повествует о том, что «егда бо братии манастыря сего хотящемъ варити, или хлебы печи, или кую

ину службу творити, тогда же первое тьдъ единъ от техъ възьметъ благословение отъ игумена, таче по сихъ поклонитъся предъ святымъ олтарею три краты до земли, ти тако свещю възьжетъ отъ святаго олтаря и отъ того огнь възгнетитъ. И егда паки воду вливая въ котель, глаголетъ старейшине: «Благослови, отче!» И оному рекущу: «Богъ да благословитъ тя, брате!» И тако вся служба ихъ съ благословениемъ съвършается» [21].

Этот фрагмент Жития перекликается со сказанием Студийского устава «О мешении», в котором говорится о правилах разжигания огня в поварне и является косвенным цитированием текста последнего. «Повар входит в церковь, кладет три земных поклона перед царскими вратами и просит огня у церковника. Сей обмакаетъ въ лампаде, находящейся въ алтаре, светильно, зажигает ее, и подает повару, — и отъ сего огня зажигаются дрова в поварне, чтобы брашно иноков освятилось от сего огня, и ядущие помнили о священном огне... Также должен поступать и пекущий хлебы. Братия тесто своима роукама месити и разделяти же таковое служение творящимъ на три чины» [22].

Из сопоставления этих сюжетов можно сделать вывод о том, что Феодосий в организации монастырских служб и послушаний иноков руководствовался именно Студийским уставом. Об этом же свидетельствуют ряд сюжетов Поучения и молитвы Феодосия Печерского. В поучении о «Терпении и смирении» Феодосий при подготовке к одной из монастырских служб призывал братию вспомнить правила «Феодора Студита» и, когда «било бо ударяюще, не лепо ны есть лежати, но вьстати на молитву и давидьское оно слово въ уме имеющее якоже ны богоносный Феодор учит...» [23]. Другой пример находим в «Слове утешительном к братии о душевной пользе». Здесь Феодосий также говорит о церковной службе: «Если бо велико поспешение имеете о службе церковней, и въ долготерпении стоаше въ всехъ бо годинах и службахъ обретающесе, и божественаго Феодора о заповедехъ радующеся» [24].

Согласно требованиям устава, братии в кельях не позволялось держать ничего своего: ни пищи, ни одежды (помимо предписанной уставом), ни другого какого-либо имущества. Так, в тексте Студийского устава в сказании «О трапезе» читаем следующее: «Не достоинъ же никому же вьстающемъ възяти что съ собою отъ предъложенныхъ ни хлеба ни иного ничего же никъто отъ мнихъ проси въ келию свою възяти или варива или сочива или иного чьто тамо положити не вьсе обще да ядятъ» [25]. Казалось бы, простое правило, но из Жития Феодосия Печерского видно, сколько сил требовалось настоятелю, чтобы сохранить этот порядок нерушимым. Для надзора за братией Феодосий посещал их кельи, и, если находил что-либо запрещенное уставом, то приказывал бросать вещи в огонь, «якоже вражю часть сущю и преслушание греху», а сам давал противившемуся монаху наставления в нестяжании. Игумен призывал: «тем же, братие, довольни будемъ о уставныхъ одежахъ нашихъ и о брашьне предъложенемъ на трапезьници от келаря, а въ келии от сичевыхъ не имущее ничьто же, да тако съ всякимъ усердиемъ и всею мыслию молитву свою чисту приносимъ к Богу» [26].

Согласно уставу, долгий день монаха начинался около полуночи, когда пономарь обходил кельи и поднимал иноков для совершения службы полуночницы, во время которой в церкви «братия полуношное пение съвършающемъ» [27]. После этого следовало поучение, когда игумен «самъ поучаше братию въ църкьви духовьными его словесы» или поручал кому-либо из старшей братии «ис кьнигь почитающее поучение творити братии» [28]. Около пяти утра монахов снова созывали на службу, так как «и се год бысть утрьнюму пению, и пономареви биюще в било» [29]. После литургии монахи шли в трапезную. Упоминание об

этом есть в Житии Феодосия Печерского, которое повествует о том, что «се бо по святей литургии идущем тем на постыныя обед» [30].

Затем все расходились на послушания, во время которых одни «копытыца плетушее и клобуки и ина ручьная дела строящ... Другоицы же въ ограде капахуть земленого ради растения» [31]. Сам игумен Феодосий, невзирая на свой сан, трудился наравне со всеми, прививая личным примером навыки монастырского коллективизма многочисленной братии. В Киево-Печерском патерике находим упоминание о том, что игумен «иногда бо воду нося, иногда же дрова секый и тако всей братии собою образ подаваше» [32].

Когда наступал час новой молитвы, монахи вновь «всьи въкупе съшедъшеся въ църквь, пеня часомъ творяхуть, таче святую службу съвршывъше» [33]. Удар в било около полудня собирал иноков к обеду, «вкусившее мало хлеба и паки делесея своемъ къждо имяшетъ» [34]. Поскольку большую часть ночи и все утро монахи проводили в молитвах и послушаниях, то по приказанию игумена сразу «по отъедении обеда не отвръзает врат никому же, и никто же паки да не въходить в монастырь, дондеже будящее годъ вечерный, яко да полуднию сущю почитаютъ братия ноцныхъ ради молитв и утрянго пеня» [35]. Иноки собирались в храме только с заходом солнца, когда наступало время вечерни: «въ църкви яко братие павечерняя молитвы поющимъ» [36].

После повечерия инокам было запрещено ходить друг к другу. Во всяком случае, в Житии Феодосия Печерского упоминается о запрете игумена на подобное времяпрепровождение. Феодосий, наставляя братию, говорил: «И не приходите же отъ келие въ келию, но въ своей келии къждо васъ да молить бога» [37].

Преподобный имел обычай каждую ночь обходить все монашеские кельи, желая узнать, как монахи проводят время: «Егда боуслышааше кого молитву творящее, то тьгда, вставъ прославяше о немъ Бога. Егда же паки кого слышааше беседующа дьва или трие съшедъшиесе въ купе, то же ту, ударивъ своею рукою въ двери ти, тако отхожааше, назнаменавъ темъ свой приходъ» [38]. Утром он призывал виновных для беседы, раскаивающихся прощал, а на других налагал епитимью.

Во взаимоотношениях монахов Феодосий проповедовал покорность и смирение, которые выражались в том, что иноки при встрече «въ съмерении же да покланяете къждо другъ къ другу», держа при этом «руце съгбене напрысехъ своихъ къждо да имате» [39]. Монах не должен был поддаваться «скорому гневу», ему следовало терпеть «досаждение» со стороны других [40].

Заметим, что, кроме Феодосия, никто не проявлял такой заботы о братии, а общежительные порядки в самом монастыре поддерживались исключительно благодаря стараниям игумена. Те трудности, которые возникали у Феодосия с организацией монашеской жизни согласно требованиям устава, дают нам основание предполагать, что Студийский устав в Киево-Печерском монастыре полностью соблюдался только в первой его части, касающейся церковных служб, молитв и песнопений. Что же касается той части устава, где речь идет о монастырском быте, то здесь, как видно из источников, возникали определенные трудности, устранять которые удавалось только благодаря строгому контролю.

Этим можно объяснить и то, что преемникам Феодосия не удалось удержать братию на достигнутой ступени строгой киновии. Система монашеской жизни стала претерпевать изменения. Киево-Печерский монастырь, как и другие городские обители, находился в слишком тесных отношениях с миром. Следствием этих отношений было, с одной стороны, обмирщение внутримонастырского быта, а с другой — то, что иночество, в противодействие этому обмирщению, явило ряд примеров ужесточения аскезы. Такое ужесточение подвигов в отдельных случаях

приводило к искушению. Таким образом, прежнее единство, которое составляло краеугольный камень феодосиевского общежития, начинает распадаться. Кроме того, Феодосию, как и его преемникам, не удалось добиться соблюдения, пожалуй, самого важного правила при организации общежития: соблюдения социального равенства и единства. Киево-Печерская братия состояла из отдельных личностей, для каждой из которых были характерны свои симпатии и антипатии. Монахи Киево-Печерского монастыря были выходцами из различных городов и являлись представителями знатных родов и состоятельных семейств: княжеских, боярских, купеческих. Как видно из источников, несмотря на требование равенства, социальные различия не исчезали за монастырской стеной. Все это проявлялось в том, что многие обеспеченные монахи стремились сохранить привычные для себя условия материального благополучия, привнося в монастырскую среду характерные для мирского общества мировоззрение и манеру поведения. Все это, безусловно, оказывало негативное воздействие на особый уклад монастырской жизни, подчас разрушая ее изнутри.

Когда в Киево-Печерском монастыре начинают угасать традиции общежительства, определенно сказать трудно. Исходя из информации, содержащейся в источниках, мы можем с полной уверенностью говорить, что общежительство существовало во всей строгости только в игуменство Феодосия и некоторое время после его смерти, примерно до конца XI в. Это подтверждается следующими словами Повести временных лет: «В нем же и донныне добродетельное житье живут, обще вси вкупе в пении и в молитвах, и послушаниях...» [41]. Но в послании Симона и Поликарпа встречаются известия конца XI-начала XII в., свидетельствующие об ослаблении общежительного устава.

Если известия конца XI в. можно воспринимать как частные нарушения, то данные XII в. показывают общее ослабление строгости устава. Например, в Киево-Печерском патерике находим упоминание о келье инока Арефы, согласно которому Арефа «много богатство име въ келии своей» [42]. Во времена Феодосия это считалось особенно тяжким грехом для монаха и строго наказывалось игуменом. Следует заметить, что для данного периода это был не единственный случай. О том, что братия начала пренебрегать прежними нормами монастырской жизни, свидетельствует составленная Нестором «Похвала Феодосию Печерскому»: «Аще бо и от пути заповедей господних уклонихомся и устава тобою преданного леностию не исправихомъ» [43]. Другой пример из той же «Похвалы»: «Възвигнеши умъ нашъ, падший леностию на земли» [44].

Исходя из вышесказанного, мы можем говорить о том, что после смерти Феодосия его преемники перестали со всей строгостью соблюдать установленные порядки. Дали себя знать процессы постепенного изменения не только нравственного, но и монашеского идеала. Новое поколение печерских подвижников привнесло определенные послабления в монастырский образ жизни, в выполнение монашеских обетов, появился соблазн стяжательства, искаживший духовные представления. Поэтому, несмотря на принятие Студийского устава, общежительства, каким первоначально виделся игумену Феодосию монастырь, так и не сложилось, ибо рядом уживались богатство и бедность, искреннее подвижничество и отнюдь не христианская алчность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Киево-Печерский патерик // Памятники литературы Древней Руси. XII век. М., 1980. С. 438.
2. Смолич И. К. Русское монашество 988-1917: Жизнь и учение старцев. М., 1997. С. 27-28.
3. Шапов Я. Н. Монашество на Руси в XI-XIII веках // Монашество и монастыри в России: XI-XX в. Исторические очерки. М., 2005. С. 15.

4. Казанский П. История православного русского монашества от основания Печерской обители преподобным Антонием до основания лавры Святой Троицы преподобным Сергием. М., 1855. С. 27-28.
5. Топоров В. Н. Святость и святые в русской духовной культуре. М., 1995. С. 700-701, 703.
6. Киево-Печерский патерик. С. 440.
7. Житие Феодосия Печерского // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1997. Т. 1. С. 378-380.
8. Там же.
9. Устав Студийский по списку XII века. (фрагменты) // Источники по истории русского языка. М., 1976. С. 144.
10. Повесть временных лет // Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы IX — нач. XII в. М., 1978. С. 174.
11. Подскальски Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988-1237 гг.). СПб., 1996. С. 85.
12. Артамонов Ю. А. Проблема реконструкции древнейшего Жития Антония Печерского // Средневековая Русь. М., 2001. № 3. С. 45.
13. Киево-Печерский патерик. С. 458.
14. Грушевский М. С. Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV в. Киев, 1991. С. 415.
15. Тальберг Н. История русской церкви. М., 1994. С. 65.
16. Смолич И. К. Русское монашество 988-1917. С. 24.
17. Будовниц И. У. Монастыри и монашество на Руси и борьба с ними крестьян в XIV-XVI вв. М., 1966. С. 75.
18. Щапов Я. Н. Монашество на Руси в XI-XIII веках. С. 16.
19. Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главных деятелей: В 3-х т. Ростов-на-Дону, 1995. Т. 1. С. 37.
20. Прошин Г. Г. Правда о православных монастырях // Атеистические чтения. Сб. ст. М., 1988. С. 333.
21. Житие Феодосия Печерского. С. 359.
22. Устав Студийский по списку XII века (фрагменты). С. 125-126. См. также: Казанский П. История православного русского монашества... С. 39.
23. Поучение и молитва Феодосия Печерского // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. С. 438.
24. Там же. С. 444.
25. Устав Студийский... С. 119.
26. Житие Феодосия Печерского. С. 358.
27. Там же. С. 390.
28. Там же. С. 392.
29. Там же. С. 354.
30. Там же. С. 366.
31. Там же. С. 330.
32. Киево-Печерский патерик. С. 460.
33. Житие Феодосия Печерского. С. 330.
34. Там же.
35. Там же. С. 338.
36. Там же. С. 354.
37. Там же. С. 346.
38. Там же. С. 336.
39. Там же. С. 392.
40. Киево-Печерский патерик. С. 478.
41. Повесть временных лет. С. 210.
42. Киево-Печерский патерик. С. 510.
43. Там же. С. 464.
44. Там же. С. 468.